Николай КАЩЕЕВ,
директор аналитического
департамента, Промсвязьбанк

Прекрасные руины будущего

ПРОЛОГ

На ресурсе CCN.com[1] можно встретить десятки заголовков следующего вида: «Мошенническая биткойн-компания атакует неверных супругов через обычную почту», «Мошенничество с майнингом на $250 млн? Корейские прокуроры выдвигают обвинения», «Число случаев мошенничества с биткойном в Австралии выросло на 126% за неделю: служба защиты потребителей» и тому подобные. Из последней статьи узнаем, в частности, что за неделю (речь про начало ноября 2017 года) имело место 77 сообщений о мошенничестве, связанном с биткойном.

Севернее от страны Down Under все не так плохо. В Японии за 7 месяцев 2017 года было зафиксировано всего 33 случая мошенничества с криптовалютами на сумму $710 тыс. Скромный результат... Зато Bloomberg в августе 2017 года сообщил, что жертвами киберпреступности, использовавшей эфириум, стали в США с начала года к дате публикации 33 тыс. человек, каждый из которых пострадал в среднем на $7.5 тыс. Совокупный объем ущерба составил $225 млн (!), что сравнимо с потерями от грабежей за аналогичный период, составившими $390 млн.

Ernst & Young посчитали на основе анализа 370 ICO, что около 10% от привлеченной суммы (около $4 млрд) было похищено. И хотя токены, обычно размещаемые в ходе ICO, и криптовалюты — не вполне одно и то же, да и бо́льшая часть хищений приходится на фишинговые сайты, картина довольно высокого риска в этой области «новых инвестиций» впечатляет. Особенно на фоне панегириков в адрес необычайно высокой безопасности блокчейна.

Государство реагирует, отвечая на указанные события. Например, американская SEC запретила размещение более десятка ETF на основе криптовалют и вдобавок создание двух взаимных фондов, причем в течение всего лишь первой недели 2018 года, сообщает Bloomberg.

Итак...

ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ

В течение 1974–1995 годов возник Интернет. Так называемый flag day, 1 января 1983 года, когда протокол TCP / IP официально признали единственным протоколом в ARPANET, был по сути лишь одной, хоть и критической, вехой на довольно долгом пути. Технический прогресс — более плавный и постепенный феномен, чем перемены в финансовой системе, исторические вехи которой отмечены кризисами. Тем не менее при желании ключевые даты можно определить — в целях более точной «привязки к местности».

[1] https://www.ccn.com/bitcoin-scams/

Собственно, стремительная глобализация сетей и их превращение в Интернет, каким мы его знаем сегодня, началась всего лишь в 1990-е. Но именно Интернет, кажется, оказал на историю человечества не меньшее влияние, чем Римская империя, правление Наполеона или даже Реформация и тому подобные события. Проблема в нашем восприятии данного факта в том, что а) большое видится на расстоянии, б) наше восприятие феномена Сети фрагментарно: технари видят его с одной стороны, гуманитарии, социологи — с другой. Вопросов о сетевом будущем (другого, видимо, не будет) пока больше, чем ответов. И мы живем непосредственно внутри этой новой эпохи, так и не вполне к ней привыкнув и не вполне ее осмыслив. Просто потому, что Сеть, став новой реальностью, беспрецедентно стремительно развивается, вызывая лавину последствий в разных областях жизни.

Согласно известному труду Дугласа Норта «Насилие и социальные порядки», государство после его примитивной инкарнации проходит через основные фазы развития — от основанного на насилии и «ограниченном доступе» так называемого «естественного государства» до государства договорного типа, или, как еще говорят, «открытого доступа». (Еще говорят об инклюзивном и неинклюзивном устройстве.) Мы же, слишком часто слыша о благе «вертикали власти», вполне можем говорить о вертикальной организации общества и сообществ (например, корпорации), которая основана на более или менее строгой иерархии и едином центре принятия решений, в отличие от горизонтальной — основанной на взаимодействии равных или более или менее равных в правах и полномочиях структур и персоналий.

Что позволяет нам вести речь о прогрессе как о движении от естественного государства, основанного на насилии, к договорному, основанному на консенсусе? Помимо абстрактной логики, разумеется? Ход истории. В 1900 году в мире существовало ровно 10 демократий в классическом понимании[1], 13 явных автократий и 26 так называемых анократий, которые сегодня часто называют «гибридными режимами»; то есть 20% демократий. Перед Второй мировой войной (в 1938 году) число режимов было таковым: 9 — 27— 26, то есть 15% демократий. В 1975 году демократий стало 34, автократий — 80, а анократий — 18; 26% демократических режимов. Рост числа автократий наблюдался с 1921-го по 1976-й. Но затем произошел резкий перелом: в 2009 году автократий осталось 22, демократий стало 87, а анократий — 47. 56% демократий. Рост числа демократий шел с 1976 года практически непрерывно и резко ускорился с распадом СССР. В 2015 году из 7.4 млрд человек на Земле 4.1 млрд жили в полностью демократических режимах, а в автократиях – 1.7 млрд (остальные — либо в анократиях, либо в переходных режимах.)

Переход к открытому договорному обществу — явный тренд последних более сорока лет. Ни один тренд не исключает коррекций, но тренд — это тренд.

Объективно говоря, появление Интернета — это создание идеальной инфраструктуры для организации горизонтально-ориентированных сообществ. Что, собственно, через сети и начало активно осуществляться в реальности: сперва в виртуальной, затем, с большей или меньшей конфликтностью, в офлайновой. С возникновением параллельного мира виртуальной реальности — социальных сетей и групп в них, игровых миров, виртуальных музыкальных ансамблей, коворкингов — горизонтальные связи между даже находящимися далеко друг от друга людьми и коллективами стали устанавливаться на практике.

Разумеется, бизнес не мог не последовать теми же путями. Совершенно естественно, что первым видом бизнеса, который открыл ворота Вавилона, был цифровой. Наиболее успешные примеры, конечно, виртуальные магазины, вроде eBay в сопровождении первой глобальной небанковской платежной системы PayPal, куда каждый желающий может выставить что-то на продажу и получить за это причитающуюся ему сумму. Как ранний пользователь Интернета (в сети я понемногу начал осваиваться с 1992 года), я зарегистрировался в PayPal в 2007 году, уже более десяти лет назад!

Разумеется, крупнейшими вехами на пути создания виртуальных экономик стало появление привычных грандиозных супермаркетов программного обеспечения Google Play и Apple Store, которые превзошли свои прежние аналоги вроде ZDnet.com и download.com в силу того, что оказались в центре особых миров — «экосистем». Примыкают к этим площад-

РАЗ ГРАНИЦЫ ТЕРЯЮТ СМЫСЛ, ТО ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА ТАКЖЕ ПОДВЕРГАЕТСЯ ЭРОЗИИ

[1] Max Roser, https://ourworldindata.org/democracy

кам виртуальные супермаркеты фотографий, клипов, элементов дизайна и тому подобное. Кроме того, возникновение феноменов открытого кода, открытых платформ стремительно увеличивает возможности для мирового прекариата существовать в новых горизонтальных или хотя бы квазигоризонтальных (все же eBay — структура, имеющая достаточно внятный центр решений, как и большинство подобных площадок) коммерческих мирах, а не только в полностью виртуальных мирах вроде WoT. Еще недавно нужен был лишь маленький шажок. И он де-факто сделан.

Если расстояния не имеют значения, значит, и границы тоже. А раз границы теряют смысл, то одна из важнейших функций государства также подвергается эрозии. Эти новые рынки просто обязаны были рано или поздно, во-первых, породить полностью горизонтальные, то есть «бесцентровые» наднациональные и внегосударственные обширные структуры, во-вторых, подвергнуть и другие функции государства сомнению, в частности способствовать созданию собственных горизонтальных систем денежных расчетов. Что должно — по логике вещей — привести в итоге к растущему сжатию поля суверенитета государства в пользу новых, до сих пор кажущихся фантастическими сообществ людей. Что, собственно говоря, и происходит. По моему убеждению, пока в виде попыток, но в полном соответствии с исторической логикой.

Фиатная валюта сама по себе укладывается в логику перехода от «естественного государства» к договорному. Системообразующее свойство — отличие фиатной валюты от обеспеченной — это возможность центрального банка и правительства влиять на экономическое состояние собственной страны. Золотой стандарт обслуживал прежде всего внешнеэкономическую деятельность и был предназначен для установления паритета между валютами торгующих стран в отсутствие иной надежной инфраструктуры. Но эта система была в значительной степени изначально несправедлива. Если ваша валюта привязана к накопленному вами металлу, который даже могут не добывать в вашей стране, в случае падения вашей конкурентоспособности из-за экономического кризиса (золотой стандарт таковые отнюдь не предотвращал) или успехов соседей у вас не остается выхода. Либо самоизоляция, либо потеря золотых резервов и вместе с ней денежный голод в экономике, падение инвестиций и ухудшение ситуации. Без вариантов. В период Великой депрессии была сначала испробована изоляция («Покупай отечественное»), но затем пришлось отменить золотой стандарт. Потому что последствия изоляции в уже отчасти глобализованной экономике оказались хуже. Так между риском полного коллапса экономики и риском инфляции (и финансовых пузырей) был выбран риск инфляции как меньшее зло.

ПОПЫТКА ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ ПРИСТРУНИТЬ ЧРЕЗМЕРНО РАЗРОСШУЮСЯ И СЛИШКОМ СВОБОДНУЮ ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ ЛИШЬ УСКОРИЛА ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРИПТОВАЛЮТ

В середине 1980-х национальная монетарная политика также стала постепенно отставать от прогресса инфраструктуры. Когда стало возможным осуществлять сделки практически с любыми активами на любом краешке света за считанные секунды — правда, с некоторыми комиссиями и подчас с помощью не вполне надежных инструментов вроде разнообразных структурных продуктов до 2008 года — выяснилось, что эгоистическая позиция центральных банков, прежде всего крупнейшего (по степени влияния на мир) — ФРС США, входит в противоречие с не менее эгоистическими интересами других экономик. Нельзя, как мне кажется, подобно члену правления ФРС Балларду, заявлять, что пузырь в недвижимости в Китае никак не связан с активностью ФРС. Можно легко найти некоторое число довольно коротких нитей, которые ведут от берегов Атлантики к побережью теплых юго-азиатских морей.

Попытка центральных банков приструнить чрезмерно разросшуюся и слишком свободную финансовую систему, включая «теневую» (в виде хедж-фондов и иных структур, неподотчетных ЦБ), лишь ускорила возникновение этого нового свободного финансового мира — мира криптовалют. Если приводить аналоги из области искусств, то приходит на ум множество фантастических кинофильмов-антиутопий, где помимо упорядоченного мира избранных существует и живет своей собственной жизнью (как в «тумане» в нижних этажах города в фильме «Пятый элемент») небезопасный и не вполне легальный параллельный мир «отверженных»: хакеров, фриков, уличных бойцов, преступников, мутантов и тому подобных личностей. Только пока там все не столь драматично. Что не отменяет стремительного становления какой-то подобной альтернативной планеты.

ЗАНАВЕС… НЕ ЗАКРЫВАЕТСЯ

«Священная война» между криптореволюционерами, анархистами — ниспровергателями фиатной денежной системой — и традиционалистами приобрела особый накал после того, как в революционные массы влились отряды неискушенных любителей легкой наживы, увидавших астрономический рост курсов криптовалют, а также, увы, некоторое число вполне искушенных — и неизбежных в великом походе — мародеров. Война носит помимо прочего вполне гуманитарное измерение: техногики в очередной раз получают ложное представление о том, что именно они, с их особым, несколько наивным и стерильным типом мышления, слегка испорченным некими безумными гуманитарными теориями, правят миром, и это их вдохновляет. Традиционалистам, впрочем, с их маневренностью сложно вертеться в «бою» со скоростью спиннеров, но они уверены в своей

правоте, отягченные опытом и томами прочитанных (или хотя бы виденных на полке) книг, словно дредноуты.

Дискуссия неискушенных гиков и традиционалистов проходит в таком ключе: «Вы говорите, что криптовалюта-де не обеспечена. Ну а чем обеспечен фиат?» Разумеется, книги по теории денег скучны, но если кратко, то фиат действительно не обеспечен материальными активами напрямую. Зато он а) является балансовым обязательством ЦБ, б) его ликвидность / обращение и защита от подделки гарантированы государственными институтами. Фиат, таким образом, — это legal tender, как говорят, законное (от слова «закон») средство платежа. Конечно, пока вы не имеете дело с failed state — несостоятельным государством. Но это уже измеримый риск.

Фиат, как и любой законный (от слова «закон») актив является верификатором определенных прав владельца. В случае денег владелец вправе требовать их обмена на товары / услуги / активы, в уплату долга, обращаться при неисполнении своих прав к уполномоченным госорганам и в конечном итоге — безусловное право предъявлять бумажные или электронные деньги государству в целях уплаты налогов, пошлин, штрафов и прочих обязательных платежей. Потому что legal tender. И наоборот: выплаты по государственному долгу осуществляются именно в фиатной валюте. Никаких правовых свойств у классической «частной» криптовалюты — не путать с попытками государств эмитировать национальную валюту на блокчейне — нет.

Грубо говоря, фиатная валюта обеспечивается обязательствами (не только финансовыми) государства. Криптовалюта обеспечивается добровольной договоренностью группы достаточно случайных людей о том, что они готовы принимать ее в оплату за крайне ограниченный круг товаров и услуг (после волатильности в BTX таковых будет еще меньше) и, самое главное, обменивать ее на фиат. Потому что иначе как купить хлеба и сыра с кефиром? Про обмен одних криптовалют на другие и на токены вряд ли стоит долго распространяться: это обмен между орками и эльфами в сетевой игре.

Когда уважаемый коллега Сергей Романчук (многие на рынке знают его как достойного человека и профессионала) говорит о том, что парадокс «фиат vs. крипты» заключается в наличии реального доверия в мире фиатного кредита и недоверия в мире криптовалют, где все сделки обязаны фиксироваться в общедоступном леджере-блокчейне, то он, на мой взгляд, поднимает правильную проблему, но не совсем прав при этом. Дело в том, что, как я понимаю, доверие в мире классических финансов имеет важнейшее свойство: измеряемость. Риск фиата может быть измерен как чисто статистическими методами: волатильность, корреляции, регрессии и прочее, так и фундаментальными: платежный баланс страны, политика в области инфляции, дифференциал ставок, в том числе прогнозируемый, и так далее вплоть до политической ситуации. Хлеб рейтинговых агентств и аналитиков. Степень доверия к фиату (и активам, номинированным в фиате) может быть выражена в цифрах. Все, что можно применить к пока еще в основном illegal tender, к криптовалюте — это теханализ. И то с большой оглядкой.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА, КОТОРОГО ВСЕ РАВНО НЕ БУДЕТ

Я хочу заметить только одно: сегодня криптовалюта — это как коммунизм. Несовершенный образ будущего. Прекрасное (относительное) далеко, при немедленной и безоглядной реализации способное, однако, произвести свинство. Нечто, находящееся в очень рациональном, логичном тренде, но при этом сталкивающееся с как минимум частичной алогичностью поведения человека.

Криптовалюты в их нынешней реализации — все еще нуждающаяся в доработках технология для несколько более совершенного человека. Возможно, из не такого уж далекого будущего, но... Мир еще не готов к упразднению государств — аппаратов принуждения людей к гармонии — и к замене их всенародным леджером, то есть, если угодно, сплошными СРО и НКО вместо полиции.

Однако... про коммунизм уже можно начинать говорить всерьез. Назовите его для более позитивной коннотации хоть «метамодернизмом», хоть как-то иначе, но говорить — можно. И даже нужно. Потому что за развевающимся знаменем блокчейна скрывается масса важнейших вопросов: о размывании самой категории собственности, соответственно, о стимулах для развития человечества в новых условиях — что это будет и как это будет и о новых поколениях, которым все это выпадет разгребать.

СЕГОДНЯ КРИПТОВАЛЮТА — ЭТО КАК КОММУНИЗМ, НЕСОВЕРШЕННЫЙ ОБРАЗ БУДУЩЕГО